

Сергей Саканский
AVE MEDIA

**ЖЕЛТЫЙ
ЖУК**

*Одноногий одноглазый
Желтый жук*

Ave Media

Сергей Саканский

Желтый жук

«Автор»

2008

Саканский С. Ю.

Желтый жук / С. Ю. Саканский — «Автор», 2008 — (Ave Media)

Действие книг серии «Ave Media» происходит в пространстве, хорошо знакомом широкому читателю – в окультуренной среде масс-медиа. Перед нами разворачивается некое бурлящее сознание современного человека, где переплетаются хорошо знакомые сюжеты и образы, слухи и домыслы, реальные лица и выдуманные персонажи. Все события и персонажи серии вымышлены и любые совпадения с реальностью случайны.

© Саканский С. Ю., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Одноногий одноглазый	5
Желтый жук	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сергей Саканский

Желтый жук

Из серии: «Ave Media»

Одноногий одноглазый

Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Джон Сильвер

Звонок был сломан, его медная ручка бессильно болталась на шнурке, словно чей-то отрезанный язык. Джон Сильвер постучал в дверь набалдашником костыля – дуб в дуб. Вылезла голова. Темные миндалевидные глаза, вроде как выдолбленные плохим инструментом, не без удивления рассматривали гостя.

– Египтянин, – подумал Сильвер, – как пить дать: слуга-египтянин.

– Я бы хотел видеть мистера Стивенсона, – с достоинством проговорил Сильвер, – мне было назначено, – понизив голос, добавил он.

Презирая лакеев, Сильвер, как ни странно, пользовался среди них симметричным ответным чувством. Черный патч на глазу и деревянная нога вызывали – здоровое и не очень – любопытство в каждом, с кем приходилось иметь дело.

– Ваше имя... – протянул египтянин, вопросительно подняв кверху палец и явно намереваясь поставить на лбу Сильвера печать.

– Сильвер, – сказал Сильвер, – Джон Сильвер, сквайр. Мне назначено, – с упором повторил Сильвер, как бы раздражаясь от такого количества Сильверов в одной строке.

– Тогда прошу, – ему сделали широкий приглашающий жест.

Сильвер проследовал по указанному пути, бойко пристукивая протезом. Его лоцман нес медный канделябр, дрожа в свете сальных свечей и поминутно оглядываясь, чтобы удостовериться, насколько ловко посетитель справляется с деревянной ногой.

Они вошли в просторный кабинет. Лоцман поставил свет на крышку бюро и остановился, опершись ладонью о письменный стол. Рассмотрев это подобие портрета, Сильвер вдруг почувствовал какой-то неопределенный страх.

– Назначено, – хрипло выдавил он и тут же понял, что египтянин этот и есть владелец дома, мистер Роберт Л. Стивенсон, сквайр и модный поэт.

И сразу будто бы скатали перед его глазами влажную переводную картинку – он увидел дом и его хозяина в молниеносном истинном свете: человек, настолько бедный, что не может нанять привратника, живет на убогую наследную ренту, даже порой голодает, а ведь с этакой мордашкой мог бы выйти в люди с помощью какой-нибудь богатой старухи... Сильверу стало кисло. Он подумал, что его план на сей раз не сработает, и лучше было бы сразу повернуться и уйти, но разве можно просто так взять да и плюнуть на те два шиллинга, которые он отдал кэбмену, проехав через весь Лондон?

– Простите, сэръ, я сослепу принял вас поначалу за слугу, – развязно поклонился он. – Я получил ваше приглашение и, как видите, явился строго в назначенный час.

– Я отпустил на сегодня слуг, – холодно сказал Стивенсон. – Полагаю, вы не откажетесь промочить горло с дороги?

– Отпустил, как же! А это что? – мысленно воскликнул Сильвер, мысленно же стуча костылем в пол, не мытый, похоже, с прошлого столетия.

– Отнюдь, – сказал он. – Я, видите ли, предпочитаю ром, если позволите.

– Нет у тебя, конечно, никакого рома, – невслух добавил он.

Хозяин открыл крышку бюро и быстро вытащил на свет бутылку. Это был действительно ром, черт бы тебя побрал...

– Старый добрый ром, – сказал Сильвер. – Это мой дедушка, покойник, научил меня пить такое вот зелье.

Он терпеть не мог рома, но приходилось соответствовать, и Сильвер сделал столь добрый глоток, что у него чуть было не лопнули глаза.

– Кстати, о дедушке, – сказал Стивенсон, – Если всё, что вы сообщаете в вашем письме – правда, то я бы хотел сразу перейти к делу и выяснить все его подробности.

– Халява, – подумал Сильвер, чувствуя, как из желудка поднимается встречная волна спиртового тепла. – По крайней мере, я мог бы бесплатно набраться этой дрянью, как если бы сходил в ближайший трактир на те же четыре шиллинга.

– Мой дедушка был славным малым, – сказал он.

– Он что же, действительно нашел какие-то сокровища?

– О да! Он плавал под флагом знаменитого Флинта, и после смерти капитана отправился на остров, где тот зарыл награбленные деньги и – представьте себе! – нашел и выкопал их.

– Об этом вы уже писали, и я внимательно прочитал ваше письмо. Но, мистер Сильвер... Вы уверены, что такой человек действительно существовал?

– Кто – дедушка?

– Нет, я говорю о Флинте. Признаться, я никогда прежде не слышал этого имени.

– О сэр! В те времена на свете было столь много пиратов, что не каждому удалось так легко войти в историю, как, скажем, капитану Кидду. И то – благодаря мистеру Аллану По, после того как он сочинил о нем свою блистательную новеллу, «Золотой жук», вы конечно же читали, да?

– Нет, к сожалению, не имел такого удовольствия.

– А зря, батенька. Я, кстати, тоже не читал, но мне на каторге рассказывали. Были у нас там такие умники: он тебе и пятки почешет, и роман какой-нибудь культурный воткнет. Вот и вы, сударь, сочините повесть, или там роман про морские приключения, прославитесь на весь мир, небось, и старине Флинту чуток славы перепадет.

– Надеюсь, – сказал Стивенсон. – Если, конечно, ваши материалы меня заинтересуют.

– Еще как заинтересуют, собака! Ты меня и в гости пригласил, и ромом дерьмовым поишь, знать, заинтригован. Ну что ж, подбавим газу...

– Обижаете, гражданин начальник, – сказал Сильвер, машинально наливая себе еще рому. – Это что надо матерьяльчик. Из первых рук, эксклюзивный, как сейчас модно говорить.

– Вы пишете, что дедушка ваш нашел там какую-то карту, или что-то в этом роде... Расскажите пожалуйста все по порядку.

– Начнем с того, что дедушка мой был ублюдком. Он был сын ублюдка и внук ублюдка. Ублюдки, знаете ли, от ублюдков же и происходят. На днях я прочел сочинение одного еврейского немца, или немецкого еврея, что в принципе все равно, по имени то ли Масс то ли Макс... Так вот, он пишет, что дети капиталистов, сиречь бандитов, в будущем могут стать честными людьми, и наше общество, возможно, станет высоконравственным. Это, конечно же, чушь собачья. Как говорится в старой русской поговорке, бастард от бастарда далеко не падает, если, конечно, бастарда вовремя подстрелить. То же и с ублюдками, поскольку, бастард в переводе со старофранцузского, как раз и означает – ублюдок.

– Так как же насчет вашего дедушки? – с нетерпением спросил Стивенсон, который также весьма опьянел.

– О чем я и гутарю. Дедушка мой был ублюдком, следовательно, и сыновья его и внуки... – запинаясь от такого количества ублюдков в одной фразе, говорил Сильвер, – были ублюдками

тож... Вы представить себе не можете, какими мерзавцами были эти пираты, коих в последнее время стало принятым весьма и весьма романтизировать. Просто диву даешься, почему рядового человека так тянет ко всему криминальному! Ничего романтического там не было, честно вам скажу: только ром да виски, сапоги да вакса и, разумеется, кровь, лимфа и грязные портянки...

Когда Сильвер закончил свою историю, свечи сгорели на три четверти, а чистая стопка бумаги, лежавшая по левую руку молодого писателя, превратилась в стопку исписанную, грязную и неровную – по правую руку.

– Премного вам благодарен, сударь, – сказал он. – Вот ваши пять фунтов. Я, конечно, понимаю, что такие деньги – это слишком щедрое вознаграждение за столь вздорную историю, но все же, учитывая ваше здоровье...

– Вот именно! – воскликнул Сильвер. – С вас еще четыре шиллинга, в счет моих дорожных расходов, как было оговорено в письме.

– О, простите! Вот ваши шиллинги. Однако... – писатель встал и прошелся по комнате, скрипя досками. – Еще одну минуту... Это я так, между прочим. Мне бы очень помогла эта карта, о которой вы там упомянули. Видите ли, писать роман, не зная местности... Я бы заплатил вам еще пару шиллингов, если бы вы отдали мне карту. Ведь карта существует? Она у вас собой, правда?

Сильвер недоуменно посмотрел на Стивенсона:

– Вы имеете в виду карту острова?

– Ну да! – щелкнул пальцами писатель, – Того самого острова. Мне нужно... Для работы над книгой.

– Вы имеете в виду, – тихо сказал Сильвер, – карту того самого острова, где мой дедушка нашел сокровища?

– Конечно!

– Карту с географическими координатами этого острова?

– Ну да, а разве бывают карты без координат?

– И всего за два шиллинга?

Сильвер засунул руку глубоко за пазуху и извлек на свет небольшой свиток.

– Два шиллинга за вот это?

– Ну, допустим, за три... – проговорил Стивенсон, сглотнув. – Сколько может стоить кусок пергамента?

– *Пятьдесят*, – не моргнув глазом, сказал Сильвер.

– Хорошо, какой может быть разговор. Многовато, конечно, но что поделаешь. Вот вам еще два фунта и десять шиллингов. В память о дедушке.

– Пятьдесят *фунтов*, сэр!

– Что? *Фунтов*? За старый кусок пергамента?

– Но он же нужен вам для работы, а работа – это святое дело. За книгу вы получите в сто раз больше. В тысячу раз больше, подумайте! Ваши дети и внуки будут стричь купоны с этой книги. Если, конечно, ее толково написать.

– Покажите мне карту.

Сильвер развернул свиток на столе и разгладил огромной ладонью. Стивенсон с минуту рассматривал ее.

– Что вы мне подсовываете? – с негодованием воскликнул он. – Никакой это не пергамент, а обычная бумага. И нарисовано будто вчера.

– Сегодня, – сказал Сильвер. – Это копия. Я снял ее нынешним утром с настоящей карты и прошу за этот листок бумаги пятьдесят фунтов и не пенса меньше.

– Но у меня нет таких денег! – в отчаянии воскликнул Стивенсон.

– Нет, и не надо, – сказал Сильвер и свернул карту.

– Пойдите! Дайте-ка я еще раз взгляну...

– Не стоит. Остров вы видели, надеюсь, этого достаточно, чтобы написать роман.

– Вздор! Я не собираюсь писать никакого романа. Я журналист, пописываю немного стихи... Не нужен мне никакой роман.

– Вы просто хотели заполучить карту?

– Ну да, собственно... Что скрывать? Я бы продал этот дом, нанял судно и отправился на остров, где, как вы утверждаете, еще закопан значительный клад серебра.

– Нет, сэр. Лучше вы напишите роман. Вот он, ваш клад – эти листы на столе.

– Мистер Сильвер! – сказал Стивенсон. – Отдайте мне лучше карту.

– Нет, мистер Стивенсон. Пишите-ка лучше роман. И скажу вам откровенно: нет там никакого серебра.

– Как нет? Вы же только что сказали, что там оставалось серебро.

– Оставалось, но только полвека назад. Мой дедушка вернулся на остров, выкопал его, построил себе дом в Девоншире, женился, народил детей и мирно закончил свои дни. Вечерами у камина он рассказывал пиратские истории. По воскресеньям ходил в церковь и молился Богу. Вот и все. Так что, пишите роман и не думайте о сокровищах.

Сильвер встал, оперся на костыль и надел шляпу.

– Пиастры! Пиастры! Пиастры! – раздался вдруг откуда-то истошный вопль. Это было столь неожиданно, что Сильвер вздрогнул:

– Бог мой! Кто это?

Стивенсон рассмеялся:

– Не волнуйтесь. Это всего лишь мой попугай. Проснулся, малыш. Вот, посмотрите.

Стивенсон прошагал в угол, отворил клетку, которую прежде не было видно за деревянной колонной, и на пальце принес большую забавную птицу.

– Пиастры! – крикнула она, вдруг вспорхнула и уселась Сильверу на плечо.

– Пиастры! – крикнул попугай прямо ему в ухо.

– Я купил его в прошлом году, у торговца на... – Стивенсон вдруг замер. – Невероятно! Да с вас можно просто писать картину: вы с попугаем на плече. Восхитительный образ. А скажите-ка, любезный, извините за бестактность, где это вы потеряли ногу? И глаз?

– Нигде не потерял, – вздохнул Сильвер. – Просто я таким родился. Дедушка, видите ли, слишком много пил рому. И отец, соответственно, тоже.

– Вы знаете, это просто чудесно. Одноногий, одноглазый и с попугаем на плече. Извините за грубость, но я очень взволнован. Пожалуй, я и вправду напишу какой-нибудь роман. Так, на всякий случай, вдруг напечатают.

Выйдя на улицу, Сильвер застучал своей деревяшкой по мостовой, доковылял до небольшого скверика и присел на скамейку.

– Олух царя небесного, – пробурчал он. – Пиши, пиши свой дурацкий роман.

Он достал из кармана деньги, разгладил и перепрятал в другой карман, поглубже. Затем достал из-за пазухи карту, разорвал, выбросил в урну.

– С картой не получилось, да что с него взять? – продолжал размышлять он вслух. – Про дедушку-то я здорово наврал.

Он вспомнил своего деда, который всю жизнь торговал в лавке, никогда не ездил дальше городских предместий, не пил ни капли рома, и все равно умер.

– Вот если бы мне самому подвизаться писателем, прославиться, зарабатывать приличные деньги... – Сильвер стукнул себя костылем по деревянной ноге. – Какой из меня писатель, одноногий и одноглазый! Такого никуда не примут, что бы он там ни написал. Это ж надо было так неудачно упасть с лошади!

Он вспомнил свой первый и последний визит в издательство. Никто не интересовался рукописью, все только и рассматривали его деревянную ногу...

Сильвер зашевелился, чтобы подняться, но вдруг знакомая дрожь пробежала от гортани до желудка, и в пальцах возник отвратительный, давно ненавистный зуд. Сильвер похлопал себя по карманам, нашел огрызок карандаша, вытащил из урны обрывок карты и стал быстрым мелким почерком писать:

Портрет. Одного парня художник написал портрет. Это был договор с Дьяволом. Портрет стареет, а модель остается молодой. В конце портрет умирает. Нет, он сам убивает его. Падает замертво. На полу – древний старик, на портрете – юноша...

Или не портрет, а, скажем, какой-то талисман. Где-то в старинной лавке, допустим, сущий вздор, кусок ослиной кожи. Но это не простая кожа. Ее обладателю доступны любые желания. Но когда желание исполняется, кожа сохнет. В конце остается один-единственный лоскуток.

Или не кожа. Лучшее – волшебный жезл. Допустим, этот жезл дается тому, кто совершит три хороших поступка. И вот, герой начинает эти поступки совершать. Но сказано: это должны быть не только хорошие, но и бескорыстные поступки. Если он думает в этот момент о волшебном посохе, то поступок недействителен. И вот он настолько привыкает творить добро, что действительно совершает, согласно условию, три бескорыстных хороших поступка подряд. И ему является колдун. Он дает ему эту волшебную палку. Но с условием: все волшебство пропадет, если он совершит с ее помощью три плохих поступка. И тогда этот идиот не делает ничего – ни хорошего, ни плохого.

Или нет, не палка какая-то, это убого. Пусть лучшее будет лампа, колдовская лампа. Она спрятана в подземелье, невзрачная такая лампа, а там рядом целые россыпи сокровищ, но хитрый чернокожишник ищет именно лампу, поскольку она дает ему власть над миром. Из древних фолиантов он узнает, что войти в подземелье может только один человек, некий юноша, и он узнает его имя, и отправляется в далекое путешествие, в город, где живет этот юноша. Он представляется его дядей, и ведет его в горы, туда, где вход в подземелье, и где покоится эта лампа. А что лампа? Что он дальше будет делать с этой лампой?

Внезапно все кончилось, будто прошел порыв ветра. Дрожь отпустила Сильвера. Он тупо смотрел на исписанные листки, обрывки карты, и не мог представить, что это он сам только что выдумал. Великолепные сюжеты, последний, правда, не вышел до конца, но все равно, подождем следующего приступа вдохновения. Такие приступы он испытывал два-три раза в день и выплескивал сотни замысловатых сюжетов. Никаких книг он сам, правда, не читал, только Библию и Псалтырь – в детстве...

– Что ж! – весело воскликнул Сильвер, хлопнув себя по ляжкам. – Я бы не сказал, что первый блин вышел комом. Пять фунтов чистой прибыли. Следующий раз попрошу десять. На свете так много писателей, и я думаю, никто из этих ребят не откажется приобрести хорошенький сюжетец.

Желтый жук

Глядите! Хо! Он пляшет, как безумный.

Тарантул укусил его...

А. Мерфи, «Все не правы»

Ясным солнечным утром 24 декабря 1699 года странная гафельная шхуна, принадлежность коей определить было невозможно, так как ее флагшток был пуст, отдала якорь на отмели в горловине пролива, отделявшего Сулливан-айленд от Американского материка. Вскоре к берегу направилась шлюпка, в которой сидело пять человек; четверо бодро работали веслами, а пятый, приметного роста господин лет пятидесяти, устроившись на корме, курил трубку, дружелюбно поглядывая на гребцов.

Лодка была – небольшая дори, не оборудованная рулевым пером, и сторонний наблюдатель, оказавшись он об эту пору на безлюдном побережье, мог бы только подивиться слаженности гребцов, правда, при ближайшем рассмотрении он бы увидел, что кормчий все же командовал ими, только уж больно странным образом: устроив свои дорогие, удивительной выделки ботфорты под кормовой банкой, он вытянул ноги и едва заметно шевелил пальцами. Команда неотрывно следила за этими холеными пальцами, белыми, с недавно подпиленными ногтями, и каждый употреблял свои силы именно так, как указывал *его*, заранее определенный палец.

Дул слабый норд-ост, обычный для этих мест, небо было чистым, солнце недавно поднялось над океаном, причудливо разделяя зыбь глубокими тенями. Человек, ведущий шлюпку к берегу, был не кто иной, как Вильям Кидд, бывший офицер британского королевского флота, а нынче – предводитель отряда пиратов, одного из самых крупных и дерзких на всем Атлантическом побережье, от острова Сейки до Огненной Земли.

Лодка шла ровно, поскольку на дне ее был балласт, довольно солидный для такого рода судна: фунтов в триста пятьдесят – как бы два средней упитанности взрослых человека – золота и драгоценных камней, доверху заполнявших дубовый кованый сундук. Более пятидесяти тысяч долларов золотом и ни одной серебряной монеты. Некоторые из них были большие и тяжелые, столь старые, что невозможно разобрать надписи. Сто десять крупных алмазов, восемнадцать рубинов, триста десять изумрудов. Кроме того – множество золотых украшений: массивные кольца и серьги, цепочки, золотые ложки, столовые и чайные, одна большая золотая чаша старинной работы, и еще черт знает что. Все это было золото, чистое золото – ни единого грана серебра, потому что все серебро, добытое отрядом за последние семь лет, было либо пропито в портовых тавернах, либо выменено на золото, чистое золото, в том числе и антикварное – такова была финансовая политика капитана.

Ценности, стоимостью не менее полумиллиона долларов, сумма по тем времена грандиозная, были аккуратно переписаны на лист пергамента и брошены как попало в сундук. Камни были извлечены из оправ, а оправы сплюснены несколькими хорошими ударами молотка, чтобы никто не мог узнать, кому они принадлежали раньше. Этой кропотливой работой, связанной как с высшими математическими материями, ловкостью ювелира, так и с недюжинной физической силой, капитан Кидд занимался всю прошедшую ночь, пока судно шло от Чарльстона до Сулливана к этому, заранее присмотренному месту; двое помощников, бывший цирковой борец и бывший ювелир, толстый и тонкий, сидели сейчас в лодке; они также должны были сегодня умереть, но не знали об этом, как и двое других членов экипажа – старый медовар, потерявший в своей жизни все и обретший свое последнее пристанище на пиратском судне, и юнга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.